
МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Т.Е. Владимирова

МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН

Настоящая статья посвящена рассмотрению металингвистического подхода к анализу языковой личности и разработке когнитивной модели на основе метафизических принципов триединства и фрактальности.

Ключевые слова: металингвистика, языковая личность, экзистенциальная картина бытия, модель, триада.

Положение, согласно которому рассмотрение языка / речи / дискурса лежит на путях интеграции широкого спектра наук о человеке, является сегодня общепринятым. Более того, данная исследовательская парадигма позволяет решать не только собственно лингвистические задачи, но и фундаментальные проблемы, связанные с языковой личностью и выявлением ценностно-смыслового кода ее бытия.

Ограниченность собственно лингвистических исследований была осмыслена М. М. Бахтиным еще в 20-е гг. XX в. Позднее, в 1959–1960-х гг., стремление преодолеть одностороннее («монологизированное») изучение текста (высказывания) привело к появлению в его рабочих материалах следующей записи: «Приходится назвать наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, ни литературоведческий или какой-либо иной анализ (исследование). Положительные же соображения таковы: наше исследование движется в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях» [6, с. 306]. В итоге намеченной исследовательской парадигме М.М. Бахтин дал новое определение – *металингвистика*. Так была названа филологическая дисциплина, в центре внимания которой лежали смысловые отношения в самом высказывании, между высказываниями, а также отношения высказываний к действительности и к говорящему лицу (автору) [4, с. 321–325].

Восстановление взаимосвязи филологии с психологией и философией способствовало преодолению «бездны между мотивом поступка и его продуктом» [3, с. 81] и позволило позднее сформулировать идею неизбежной филологизации гуманитарных наук. Так, в рабочих записях этих лет под названием «Проблема текста» М.М. Бахтин писал: «Гуманитарные науки – науки о человеке и его специфике, а не о *безгласной* вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек

изучается вне текста и независимо от него, то это уже не гуманитарные науки» [6, с. 311].

Переход к металингвистической исследовательской парадигме сопровождался появлением в работах ученого ряда понятий и их дефиниций. К их числу отнесем такие, как «независимое от автора *бытие*», за которым стоит личность, «занимающая *позицию* и принимающая *решение по самым последним* вопросам мироздания», и «ценностно-смысловая картина мира» [4, с. 343; 5, с. 134]. (Сравните с понятием «осмысленной картины мира» у Л.С. Выготского [9, с. 278].) Одно из центральных мест в концепции М.М. Бахтина занимает понятие хронотопа как определенной формы ощущения времени и отношения его к пространственному миру. Это позволило, с одной стороны, говорить о личности, над которой «не властно бытие», а с другой – о «бытии-событии» и о его экзистенциальной напряженности.

Отмеченная особенность личностного существования со всей очевидностью присуща современной языковой личности. По мнению В.С. Библера, носитель языка, выступая в различных социальных ролях (предприятие – дружеский коллектив – семья – электричка – улица – город – театр – магазин и т.п.), также «втянут в противоборствующие напряжения (включая сюда взаимоисключающие “инструкции”, диктуемые человеку от имени различных подсистем “социума совместного труда”» [7, с. 266]. Однако множественность социальных ролей, а также форм и способов бытия не разрушает целостность языковой личности. Это обусловлено особой ролью укорененных в сознании представлений о смысле жизни, которые являются врожденными и выступают в роли интегративной структуры личности. Именно смысл жизни задает ее целостность и предопределяет выбор ценностных доминант на основе идеалов, установок, ориентиров поведения и принятия решений, характерных для данной лингвокультурной общности.

Анализ экзистенциального аспекта языковой личности и ее бытия закономерно привел исследователей к рассмотрению вопросов, связанных с «языковым существованием» (Б.М. Гаспаров) и с языком в его «экзистенциальном назначении» (В.А. Курдюмов). Здесь мы имеем в виду работы о языке как «способе осуществиться во встрече с другим» (В.В. Библихин) и анализ таких сложных психологических и лингвофилософских феноменов, как «общение сознаний» (Л.С. Выготский) и «экзистенциальное общение» (К. Ясперс). Примечательны также современные лингводидактические исследования межкультурной коммуникации, в которых выделяется экзистенциальная компетенция (*savoir-etre* – способность знать, как быть), имеющая культурно обусловленный характер. При этом отмечается, что «формы выражения дружелюбного и заинтересованного отношения, принятые в одной культуре, могут расцениваться носителями другой культуры как проявление агрессии или оскорбление» [22, с. 11].

Согласно широко известному методологическому принципу У. Оккама, «сущности не следует умножать без необходимости» (цит. по: [25, с. 142]). Однако раскрытие специфики национальной языковой личности представ-

ляется затруднительным вне осмысления языкового бытия и той «экзистенциальной пространственности» (М. Хайдеггер), в которой протекало ее формирование. Это делает актуальным объединение «ценностно-смысловой картины мира» и хронотопа М.М. Бахтина в следующем металингвистическом понятии: **экзистенциальная картина бытия** – это свойственная языковой личности форма существования в конкретных пространственно-временных условиях пребывания в мире, учитывающая не только собственно языковой, но и экзистенциальный опыт носителя языка, нередко ассоциирующийся с так называемой «лентой жизни», которая предстает как сплошное «поступление».

Выдвигая положение о целесообразности введения понятия экзистенциальной картины бытия, мы опираемся на позицию Н.Д. Арутюновой, различающей картину мира и картину жизни: «В жизненной сфере события выстраиваются в последовательности, в ней вступают во взаимодействие внутренние (психофизические) и внешние события, задается семантика конкретно событийных имен. Наконец, именно со сферой жизни связана оценка. Оценить – значит включить в сферу жизни. Только к ней применимо понятие идеала. Картина мира и картина жизни написаны разными красками и под разным углом зрения. Для первой остается более важным пространственное, для второй – временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественнее сравнить с кинолентой» [2, с. 537].

В настоящее время изучение национальной языковой личности, как правило, базируется на осмыслении лингвокультурного своеобразия языка (языковая картина мира), речи (речеповеденческая картина мира) и присвоенного «языкового материала» (Л.В. Щерба), или дискурса (дискурсивная картина мира), которое дополняется анализом языковой концептуализации мира (концептосфера, концептуальная картина мира). Вместе с тем экзистенциальное начало присуще и бытию, и самой личности. Поэтому осмысление экзистенциального аспекта языковой личности позволит выйти за рамки внешних проявлений (выбор предмета речи, речевое оформление сообщаемой информации, тональность и регистр высказывания и т.д.) и восстановить целостное единство ее рациональной, эмоциональной и духовной составляющих. Ведь взаимопонимание и взаимодействие строятся преимущественно на логике смысла (рациональное начало). А воздействие на собеседника и достижение взаимности базируются на общности эмоциональных переживаний и ценностно-смысловых кодов бытия, сформировавшихся в русле национальной духовной традиции. Поэтому рассмотрение языковой личности возможно только через призму культуры, которая составляет фундаментальную часть структуры личности и предопределяет «культурно-антропологический прототип, который формируется в рамках культуры носителя языка» [21, с. 118].

Возможно, осмысление национальной языковой личности, отличающейся только ей присущим экзистенциальным опытом языкового бытия, будет продолжено в русле «лингвистики языкового существования» (Б.М. Гас-

паров) [11]. А может быть, наука вернется к идее разработки специальной металингвистической области исследований – экзистенциальной лингвистики – в задачу которой входит экзистенциальная проблематика языка / речи / дискурса, а также языкового сознания, языковой личности и ее самобытного бытия. При любом развитии исследований позволим себе привести следующий фрагмент из IV главы докторской диссертации В.А. Курдюмова «Предикация и природа коммуникации»: «По ряду причин создание “экзистенциальной лингвистики” не было осуществлено, в отличие, например, от экзистенциальной психологии и психоаналитики: западная лингвистика XX в. развивалась преимущественно как “точная”, то есть “анти-метафизическая”, прикладная наука, максимально приближенная к толкованию частных фактов, отечественное языкознание не соприкасалось с экзистенциализмом по идеологическим причинам. В 1950-60-е годы, когда западная философия начала получать распространение в СССР, под “экзистенциализмом”, как правило, понималась философия Сартра и Камю, “облегченный” и “антропоцентрированный” вариант толкования немецкого оригинала, далекий от подлинных проблем языка» [16].

В поисках методологии, выполняющей «функцию интегративную, все-накрывающую и на самом вершине организующую формы мышления и деятельности, <...> функцию, задающую целое самого мышления» [29, с. 550], попытаемся разработать металингвистическую модель изучения языковой личности и ее языкового бытия. В этом отношении особый интерес представляет мифологическая картина мира, которая может рассматриваться как древнейший способ моделирования целостных представлений о человеке и его бытии.

Так, трехипостасность характерна для индуистских верховных богов Агни (огонь, молния и солнце) и Тримурти (Брахма, Вишну и Шива), который выполняет соответственно три функции: творения, хранения и разрушения. Согласно буддийской мифологии махаяны и ваджраяны, Будда имеет три тела (трикая), поэтому принцип просветления (достижения состояния Будды) имеет три уровня: абсолютный, идеальный и конкретный. Культивируя естественные чувства и потребности человека, индуистские мифы санкционировали три варианта пути: религиозный путь подвижничества (дхарма), путь разумного стремления к материальному благополучию (артхэ) и путь к чувственно-эмоциональной жизни (кама). Идея триединства присутствует и в описании индуистского образа Божественной Матери Мира, в котором нашло отражение преклонение перед телесно-чувственным началом в супружеских отношениях, материнством и божественной сущностью мироздания.

Примечательно, что целостное представление о мире тоже раскрывается взаимодействием трех состояний, свойств, сил (гун). Это <самва> (уравновешенное, гармоничное, благое начало, связанное с осознанием сущности вещи, добром и счастьем), <раджас> (подвижное, страстное, деятельностное начало, выражающееся в возбуждении, удовольствии и беспокойстве) и

<тамас> (косное, инертное, темное начало, соотносимое с апатией, ведущей к невежеству), под воздействием которых соответственно возникают удовольствие, страдание и лень. В ведийской мифологии эти три гуны выступают как вода, огонь и земля и имеют каждая свой цветовой символ: белый, красный и черный. В «Бхагават-гите» гуны определяют также добродетели, пороки и посмертные судьбы людей. Позднее архетип триединства получил философское осмысление и три гуны стали рассматриваться как проявление единой сути (пракрити).

Почти у всех народов сложился образ трехступенчатой вертикали мироздания: верхний мир (небо), средний мир (земля) и нижний мир (подземное царство). Повсеместно распространенным символом взаимосвязи трех миров является образ мирового дерева, передающий идею целостности и единства мира. Так, например, у финно-угорских народов корни мирового дерева символизируют нижний мир духов предков, средняя часть дерева соотносится с тайгой, где живут люди, а верхняя – с местом, где обитают души рода. Известна и интерпретация мирового дерева как дерева познания, моделирующего процесс сведения разрозненных знаний в целостность, что приближает познание к искомому совершенству и позволяет подняться на новую ступень постижения мира [22].

Плодотворность данного смыслообраза, передающего идею развивающейся целостности, была оценена и родоначальником европейского дуализма Р. Декартом. Избрав в «Началах философии» в качестве символа живого триединства дерево, он раскрыл свое понимание порядка, который «должен соблюдаться для собственного просвещения», уподобив последнее дереву, «корни которого – метафизика, ствол – физики, а ветви, исходящие от этого ствола, – все прочие науки» [12, с. 420–421].

Что же касается философского понятия «триады», то оно было введено Платоном, создателем учения об интеллектуальной способности, контролирующей аффективную и волевую способности человека:

ratio – emotio – intuition.

Известна и платоновская «порождающая модель», которая раскрыла процесс превращения идеи в идеал, в основе которой лежит триада:

paradeigma – de'mioyrgos – kosmo,

где *paradeigma* 'идея', 'прообраз'; *de'mioyrgos* 'создатель'; *kosmos* 'мир, построенный согласно прообразу' [23].

Триадный метод Платона был развит Аристотелем, который использовал его в своей коммуникационной модели, объединившей говорящего, текст и того, кто испытывает его воздействие:

ethos – logos – pathos,

где *ethos* 'обычай', 'правило'; *logos* 'слово', 'разум'; *pathos* 'чувство', 'страсть'.

Особое значение для настоящей работы имеет аристотелевская триада, раскрывающая природу деятельности:

dynamis – energeia – entelecheia,

где dynamis ‘«возможность» деятельности, готовность к ней’; energeia ‘сама деятельность’; entelecheia ‘«осуществленность», соотносимая с представлениями о ее совершенном исполнении’ [1].

Преобразуем процессуальную философскую триаду Аристотеля с учетом специфики речевой деятельности и запишем ее в следующем виде:

интенция – высказывание – оценка.

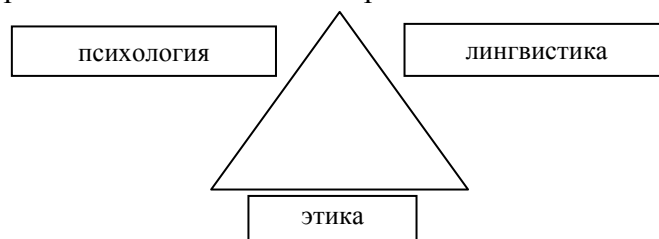
Рассмотрение языковой личности через призму речевой деятельности как целостного единства интенции (предмет психологии), собственно речевого / текстового продукта (предмет лингвистики) и этико-эстетической оценки (предмет этики как части философии и богословия) возвращает к картезианскому образу древа познания.

Так, языковая личность может быть уподоблена дереву, у которого корни – этико-эстетические ценностные представления, ствол – возникающие интенции, а тесно переплетенные между собой ветви кроны символизируют язык, речь и дискурс как способы бытия «человека говорящего». Проводя аналогию между корнями и этической стороной общения, мы исходим из признания ее особого значения в формировании языковой личности. Примечательно, что Декарт писал об этике как о «высочайшей и совершеннейшей науке о нравах», которая «предполагает полное знание других наук и есть последняя ступень к высшей мудрости» [12, с. 421]. В настоящее время этическая доминанта также проявляется в идее всеобщей согласованности социального поведения, о чем свидетельствуют стремительно развивающиеся глобальные компьютерные сети. «Этика дискурса, – как отмечает А.В. Разин, – как раз и представляет попытку дать ответ на новые запросы, показать, как в современных условиях возможна глобальная этика человеческого сообщества и как нравственный выбор может быть действенным и ответственным» [24, с. 453].

Анализ речевой / текстовой деятельности и стоящей за ней языковой личности позволяет сформулировать основополагающую триаду ее металингвистического изучения:

психология – лингвистика – этика.

А поскольку в центре нашего внимания находится языковая личность, представим данную линейную триаду в виде равностороннего треугольника, стороны которого задают основные направления ее анализа.

Методологически выдержанное исследование является, согласно Л.С. Выготскому, «одновременно изучением факта и своим способом познания факта» [10, с. 369]. Поэтому разработка металингвистической модели изучения языковой личности призвана обеспечить такое методологическое «видение» целостного, развивающегося объекта, которое позволило бы выйти на качественно новый уровень его осмысления.

Уподобим «металингвистический» треугольник языковой личности и будем рассматривать его стороны как актуальные направления ее анализа. (Сравните с [8, с. 274–276].) Построим на этом треугольнике как на основании пирамиду (тетраэдр). Тогда ее боковые грани могут быть уподоблены психологической (1), лингвистической (2) и этической (3) плоскостям дальнейшего анализа (рис. 1).

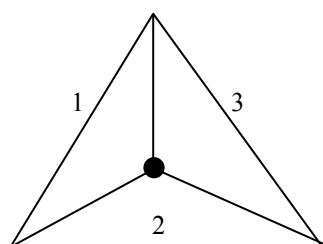

Рис. 1. Модель 1-го порядка

Следуя триадному принципу рассмотрения сложных исследовательских объектов, раскроем каждую из этих граней триединством образующих их планов, наметив таким образом основные задачи психологического (1), лингвистического (2) и этического (3) анализа языковой личности.

Психологическая (1) грань исследования языковой личности раскрывается в ходе анализа таких составляющих ее планов, как:

перцептивный (1.1) – коммуникативный (1.2) – интерактивный (1.3).

Лингвистическая (2) грань предстает для исследователя как триединство, которое образуют:

речь (2.1) – язык (2.2) – дискурс (2.3).

Этическая (3) грань включает представления о нравственном поведении и изучается в единстве таких составляющих ее планов, как:

простонародный (3.1) – философский (3.2) – вероучительный (3.3).

Таким образом, модель 1-го порядка, дополненная тремя тетраэдрами, может рассматриваться как новый этап в металингвистическом изучении языковой личности (рис. 2).

Следующий шаг в анализе языковой личности предполагает осмысление девяти граней модели 2-го порядка (рис. 3), задающих новые ракурсы дальнейшего исследования.

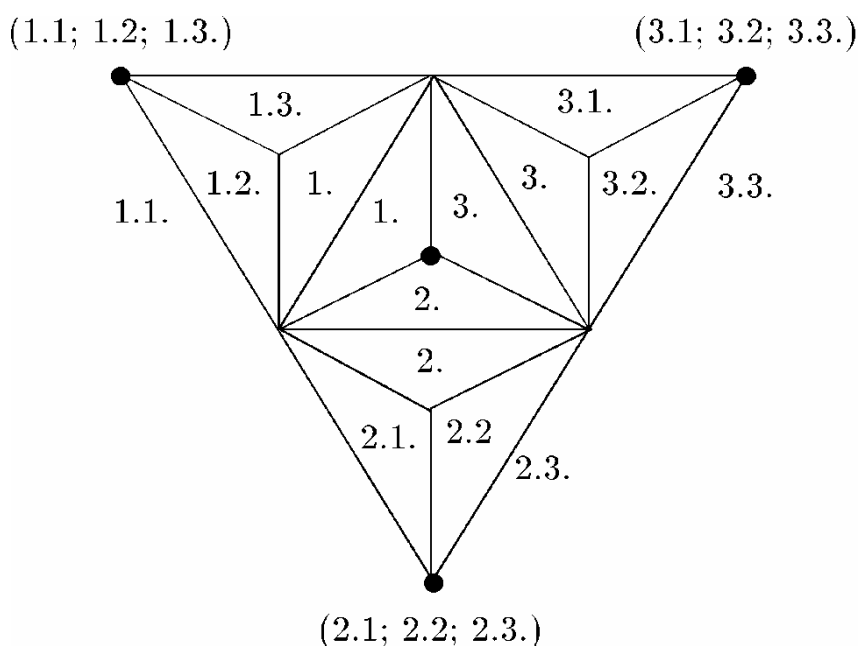

Рис. 2. Модель 2-го порядка

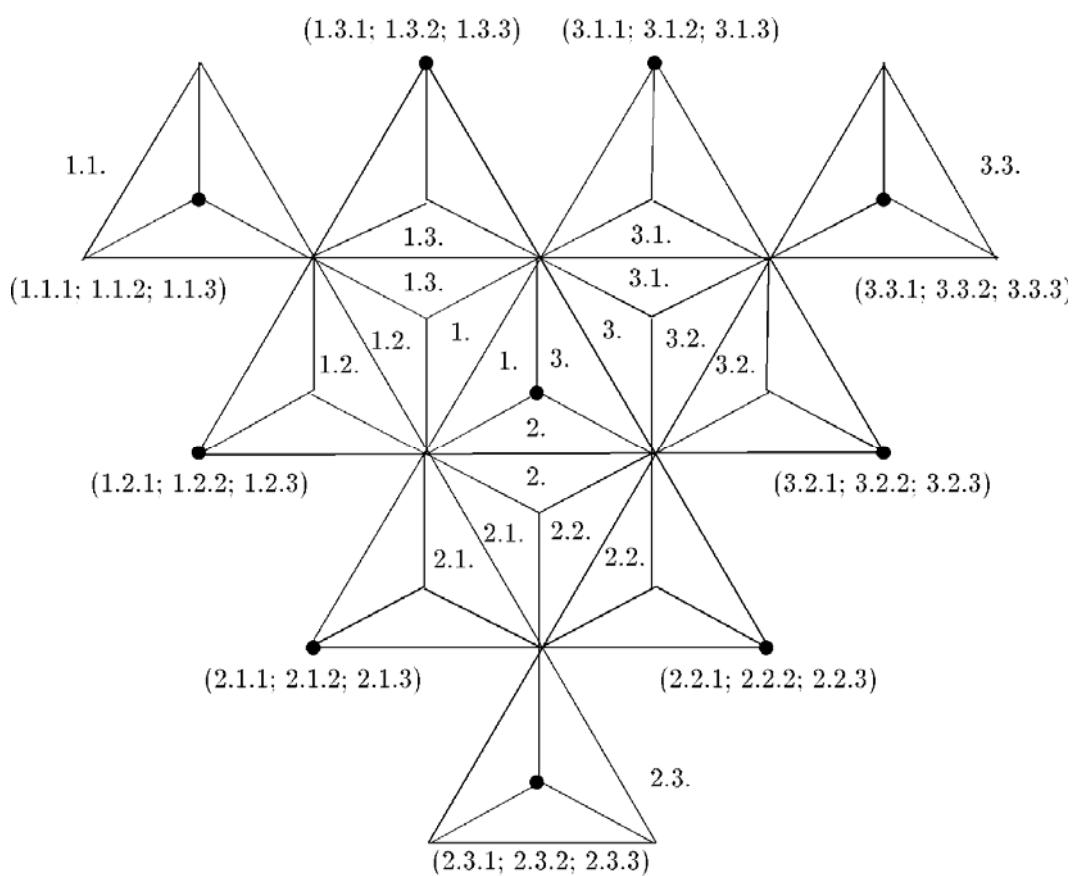

Рис. 3. Модель 3-го порядка

Перцептивный (1.1) план (формирование образа адресата) изучается как взаимодействие таких составляющих его аспектов, как:

**аффективный (1.1.1) – когнитивный (1.1.2) – мотивационно-смысловой (1.1.3)
коммуникативный (1.2) план**

рассматривается как обмен высказываниями, анализируемыми как триединство, включающее такие аспекты, как:

эмоциональный (1.2.1) – интеллектуальный (1.2.2) – духовный (1.2.3).

Интерактивный (1.3) план исследуется в единстве таких составляющих межличностного общения, как:

взаимодействие (1.3.1) – взаимопонимание (1.3.2) – взаимоотношения (1.3.3).

Речь (2.1) анализируется как триединство, включающее такие составляющие его аспекты, как:

локутивный (2.1.1.) – иллокутивный (2.1.2.) – перлокутивный (2.1.3).

Язык (2.2) в своем функциональном назначении рассматривается в единстве таких аспектов, как:

средство общения (2.2.1) – знаковая система (2.2.2) – «пространство мысли» (2.2.3) [26].

Дискурс (2.3) раскрывается в ходе анализа таких составляющих его аспектов, как:

**интенциональный (2.3.1) – коммуникативно-познавательный (2.3.2) –
регулятивно-оценочный (2.3.3).**

Народная этика (3.1) изучается во взаимодействии таких ее аспектов, как:

натурально-родовой (3.1.1) – каритативный (3.1.2) – ритуальный (3.1.3) [28].

Философская этика (3.2) рассматривается как практическая философия, включающая такие аспекты, как:

учение о нравах (3.2.1) – учение о должном (3.2.2) – учение о смысле жизни (3.2.3).

Вероучительная этика (3.3) раскрывается в единстве таких ее составляющих, как:

**учение о человеке (3.3.1) – учение об отношении к ближнему (3.3.2) –
– учение о спасении (3.3.3).**

В разработанной стереометрической модели сделана попытка системно-целостного моделирования тех шагов, которые «открывают» новые исследовательские горизонты в изучении языковой личности и ее бытия. Каждая из трех граней / сторон исходной пирамиды «раскрывается» триединством взаимодействующих в ней планов, а каждый из этих планов – триединством образующих его аспектов. Последовательное замещение исследуемого объекта иерархической системой образующих его сторон, планов и аспектов

привело к построению композиционно сложной структуры. Но благодаря данной модельно-репрезентативной системе, выходящей на уровень междисциплинарных исследований, удастся преодолеть редукционизм, отчуждающий человека и низводящий его до уровня программируемого объекта. «Мы узнали от Дарвина, – писал И. Пригожин, – что человек включен в биологическую эволюцию, а от Эйнштейна, что мы включены во Вселенную, которая развивается. Сегодня мы начинаем более четко познавать границы ньютоновской рациональности. Видимо, развивается более консистентная концепция науки и природы. Эта новая концепция сулит нам единство познания и культуры» (цит. по: [13, с. 44–45]).

Описанная когнитивная модель представляет собой результат стереометрического моделирования металингвистического научного дискурса, в котором проявляются единые метафизические принципы, лежащие в основе различных областей знания и – шире – культуры. Здесь мы имеем в виду прежде всего фундаментальный принцип триединства материального, идеального (рационального) и духовного, органичный человеческой природе и проявляющийся во всех сферах бытия. Напомним, что еще В.Ф. Одоевский писал о «триединстве веры, знания и искусства» (цит по: [14, с. 151]).

Построение модели на основе принципа триединства предопределило фрактальный (от лат. fractus, основы причастия прошедшего времени от frango – раздроблять, рассекать) алгоритм ее структуры: выделенная из целого часть подобна целому. Более того, в представлениях о каждой из частей целого неизбежно проявляются все другие части. Отличительной особенностью подобных структур является стереометрическая (масштабная) инвариантность. Причем процессы, порождающие такие структуры, представляют собой процессы с обратной связью, в которых одна и та же операция воспроизводится снова и снова. «Создание устойчивых практик узнавания фрактала как в феноменах математики (геометрических множествах, решениях нелинейных уравнений), так и в феноменах-конструктах прикладных теорий (географии, лингвистики, астрофизики)» способствует, по мнению В.В. Тарасенко, раскрытию «“коммуникативности” фрактала», который «скорее есть бесконечное измерение самого себя, *тело-автомат с обратной связью*» [27].

В подтверждение правомерности сравнения предложенного исследовательского алгоритма с фракталом приведем следующий фрагмент из книги Б. Мандельброта, раскрывающий его понимание фрактала: «...скрутим из толстой нити диаметром 1 мм шар диаметром 10 см и рассмотрим скрытые в таком клубке эффективные размерности. Удаленному наблюдателю наш клубок покажется фигурой с нулевой размерностью, то есть точкой. (Да что там клубок! – еще Блез Паскаль и средневековые философы утверждали, что в космическом масштабе весь наш мир есть не более, чем точка!) С расстояния в 10 см шар из нитей выглядит как трехмерное тело, а с расстояния в 10 мм – как беспорядочное переплетение одномерных нитей. На расстоянии в 0,1 мм каждая нить превратится в толстую колонну, а вся структура цели-

ком опять станет трехмерным телом. На расстоянии 0,01 мм колонны превратятся в переплетение волокон – шар снова станет одномерным. При дальнейшем приближении процесс становится периодическим – размерность наблюдаемой фигуры переключается с одного значения на другое и наоборот. Наконец, когда клубок превратится в скопление, состоящее из какого-то конечного числа точек, имеющих размеры порядка атомных, его размерность снова становится равной нулю. Похожую последовательность смены размерностей можно наблюдать при разглядывании листа бумаги» [19, с. 35].

Предложенный Б. Мандельбротом смыслообраз применим к изучению языковой личности и экзистенциальной картины ее бытия как своеобразной «ленты жизни». Меняя масштаб и призму рассмотрения «бытия-события», исследователь получает возможность шаг за шагом раскрывать ценностно-смысловой код языковой личности, определяющий экзистенциальную полноту или, напротив, пустоту жизни. Кроме того, фрактальное «видение» экзистенциальной картины бытия позволяет восстановить утраченные звенья национального самосознания в силу непрерывности пространственно-временных нитей национального языка и сформировавшейся в его пределах культуры.

Немаловажной представляется также вытекающая из данной модели рекомендация: любое «вхождение» в исследуемый объект предполагает анализ соответствующего фрактала и его осмысление в составе целого. В результате последовательный переход в изучении языковой личности от модели 1-го порядка к моделям 2-го и 3-го порядков позволяет анализировать ее вербально-семантический, тезаурусный и мотивационно-смысловой уровни [15] в составе большего целого. Это расширяет перспективы использования данной модели как одного из способов концептуализации национальной языковой личности в теории межкультурной коммуникации, этнопсихолингвистике, лингвокультурологии, лингводидактике и методике преподавания иностранного языка.

Представленная модель изучения языковой личности и ее бытия носит в значительной степени поисковый характер, и ее содержательная сторона, безусловно, требует уточнения и дальнейшей разработки. Тем более что восприятию модели, как правило, предшествует скептическое отношение к самому процессу моделирования. «Абсолютной модели, – писал А.А. Мельчук, – и в частности, абсолютной модели языка (речевой деятельности), не бывает. Всякое описание, всякая модель объясняет, “покрывает” его лишь частично, “освещая” в нем то, что важно с определенной точки зрения» (цит. по: [16, с. 40]).

Вместе с тем многовековая традиция опоры на триединство в понимании сложных, развивающихся объектов вовсе не исчерпала своих возможностей, а ее плодотворное использование в металингвистике представляется очевидным: «Идеальной моделью, – писал Ю. М. Лотман, – становится триединство, в котором всякое целое есть часть целого более высокого по-

рядка, а всякая часть есть целое на более низком уровне. Нарращивание устройства достигается не присоединением к нему способом аккумуляции новых звеньев, а включением его – сверху – в единство высших уровней в качестве их части, а снизу – путем превращения его частей в имманентные самостоятельно функционирующие на своем уровне структуры, распадающиеся, в свою очередь, на имманентно организованные и самостоятельно функционирующие субструктуры. Способность части любого уровня функционировать как целое, а любого целого – как часть создает высокую концентрацию информации и практически неисчерпаемые резервы нового смыслообразования» [17, с. 30].

Изложенный способ моделирования, надеемся, внесет вклад в дальнейшее развитие металингвистической парадигмы, призванной обратиться к изучению языковой личности, не вынося за скобки проблемы, связанные с извечным драматизмом ее экзистенциального бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Соч. : в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976.
2. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998.
3. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Работы 20-х годов*. – Киев: “Next”, 1974. – С. 7–180.
4. *Бахтин М.М.* 1961 год. Заметки // *Собр. соч.*: в 7 т. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. – С. 329–360.
5. *Бахтин М.М.* О Флобере // *Собр. соч.*: в 7 т. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. – С. 130–137.
6. *Бахтин М.М.* Проблема текста // *Собр. соч.*: в 7 т. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. – С. 306–326.
7. *Библер В.С.* Мышление как творчество. – М.: Изд-во полит. л-ры, 1975.
8. *Владимирова Т.Е.* Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
9. *Выготский Л.С.* Проблема сознания // *Собр. соч.*: в 6 т. – Т. 1: Вопросы теории и психологии. – М.: Педагогика, 1982. – С. 156–167.
10. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Собр. соч.*: в 6 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 5–361.
11. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996.
12. *Декарт Р.* Избранные произведения. – М.: Изд-во полит. л-ры, 1950.
13. *Зелены И.* Об изменениях логико-онтологических оснований современной науки // *Исследования по логике научного познания*. – М.: Наука, 1990. – С. 42–53.
14. *Зеньковский В.В.* История русской философии. – Т. 1. – Ч. 1. – Ленинград: Эго, 1991.
15. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
16. *Курдюмов В.А.* Предикация и природа коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: Военный университет, 1999.
17. *Леонтьев А.А.* Лингвистическое моделирование речевой деятельности // *Основы речевой деятельности*. – М.: Наука, 1974. – С. 36–63.
18. *Лотман Ю.М.* Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // *Избранные статьи*: в 3 т. – Т. 1. – Таллинн: «Александра», 1990. – С. 25–33.

19. *Мандельброт Б.Б.* Фрактальная геометрия природы. – М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002. .
20. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Издат. центр «Академия», 2001.
21. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – Т. 1–2. – М.: Советская энциклопедия, 1988.
22. Общеобразовательные компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. – Страсбург – Москва: Департамент по языковой политике, 2003.
23. *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993.
24. *Разин А.В.* Этика: история и теория. – М.: Академический Проект, 2002.
25. *Смирнов Г.А.* Оккам Уильям // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т. 3. – С. 142–144.
26. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985.
27. *Тарасенко В.В.* Фрактал [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/fm/www.iph/ras.ru/vtar/.2001>.
28. *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. – М.: Прогресс. Гнозис, 1991.
29. *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. – М.: Шк. Культурной политики, 1997.